

СЕРИЯ

ДЕДУШКИ

Израэль Зангвилл

Тайна Биг Боу

Израэль Зангвилл

Тайна Биг Боу

«Издательские решения»

Зангвилл И.

Тайна Биг Боу / И. Зангвилл — «Издательские решения»,

Серию «Дедукция» мы начинаем с публикации детектива Израэля Зангвилла «Тайна Биг Боу». Один из самых известных детективов с «загадкой запертой комнаты» впервые на русском языке!

Содержание

Предисловие от переводчика и редактора	6
Глава I	7
Глава II	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Тайна Биг Боу

Израэль Зангвилл

© Израэль Зангвилл, 2015

© Александр Кузнецов, перевод на русский, 2015

© Александр Кузнецов, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Предисловие от переводчика и редактора

Очевидно, что наша книжка вскоре появится не только в легальных магазинах, но и в огромном количестве библиотек с возможностью бесплатно ее скачать. Мы не сильно против, но все таки мы хотим заработать. Конечно, кто-то легально купит книжку, но очевидно что таких людей будет немного (Вот вы знаете кого-нибудь покупающего электронные книги? И даже если среди ваших знакомых случайно водятся такие оригиналы, то много ли их?) Мы не собираемся лукавить и говорить что переводили эту книгу ради удовольствия – для подобных целей годятся небольшие рассказы, а работа над романом, пусть даже коротким, очень трудоемка.

Так что наша цель в том чтобы наладить конвейер новых переводов, подойдя к делу профессионально.

Аудитория читателей электронных книг огромна, и мы рассчитываем что среди них найдутся читатели, которым не жалко поддержать переводческое дело. Если кто желает в этом поучаствовать – загляните в блог нашей серии deductionseries.blogspot.ru и в нашу группу «ВКонтакте» vk.com/deductionseries

Вышеупомянутые две недели были переполнены нашествием прочих проблем и задач. Это не оправдание недостаткам книги – ведь автор всегда может пересмотреть ее, или вовсе остановить переиздание. Но оставим последнюю задачу читателям, тогда как первая выполнена быть не может – ведь история уже появилась в «Стар», и не может же автор пересказывать ее снова и снова.

Введение мистера Гладстона в вымышленную историю оправдано тем, что сам Гладстон успел стать чем-то вроде мифа.

И. З.

Глава I

В то памятное утро в начале декабря Лондон проснулся укутанным в густой холодный туман. По утрам Властитель Туман сомкнутыми рядами вводил свои войска в город, невзначай захватывая пригородные районы; по этой причине утренний поезд показывался из сумрачной дымки, а то и полной темноты. Но сегодня маневры тумана были более однообразны. Туман влачился по городу, от Боу до Хаммерсмит, подобно призраку самоубийцы, сведшего счеты с жизнью из-за крайней нужды и неожиданно получившего наследство сразу после своего рокового поступка. Барометры и термометры с сочувствием разделяли его уныние, показывая низкие отметки, и совсем пали духом (если только он у них был). Холод пронизывал до самых костей.

Миссис Драбдамп из одиннадцатого дома по Гловер-стрит, что в Боу, была одним из тех немногочисленных жителей Лондона, которым лондонский туман не портил настроения – оно у нее всегда было плохим, и она принялась за работу так же безрадостно, как и всегда. Она одной из первых узнала о прибытии противника, когда проснулась и различила обрывки тумана на фоне угольно-черной уличной темноты из окна своей спальни, обнаружив за ним неуютную картину зимнего утра. Она знала, что туман продержится, по меньшей мере, до завтрашнего дня, а стало быть, плата за газ в этом квартале побьет все рекорды. И она также знала, что так будет потому, что она разрешила своему новому жильцу, мистеру Артуру Константу, платить за газ фиксированную сумму – шиллинг за неделю – вместо того, чтобы оплачивать свою часть по показаниям счетчика. Метеорологи могли бы вернуть доверие к своим умениям, лишь заплатив вместо миссис Драбдамп по очередному счету за газ, – ведь это они, предсказывая погоду, сделали ставку на снег, заявив, что тумана не будет и в помине. Туман же был повсюду, как и ожидала миссис Драбдамп, но она вовсе не радовалась своему дару видеть наперед. На самом деле, она вообще ничему не радовалась, упорно продвигаясь вперед по жизненному пути, подобно утомленному пловцу, который пытается достичь линии горизонта. Ее никогда не подводившая способность предвидеть плохой исход дел ни капли ее не ободряла.

Миссис Драбдамп была вдовой. Конечно, вдовами не рождаются, а становятся, иначе можно было бы предположить, что миссис Драбдамп всегда была вдовой. От природы она была высокой, худощавой, а ее бледное вытянутое лицо с тонкими губами и жестким взглядом вкупе с аккуратной прической волосок к волоску создавали тот самый образ, которой обычно ассоциируется с вдовством и нуждой. Только в высшем свете женщины могут терять мужей и при этом продолжать выглядеть завораживающе. Ныне покойный мистер Драбдамп оцарапал палец ржавым гвоздем, и хотя миссис Драбдамп предчувствовала, что он умрет от столбняка, она все-таки вступила в ежечасную борьбу с тенью смерти, как уже дважды делала это прежде: когда Кэти умерла от дифтерии, а малыш Джонни – от скарлатины. Возможно, именно из-за сверхурочной работы в бедных кварталах Смерть съежилась до размеров тени.

Миссис Драбдамп зажигала огонь на кухне. Она растапливала ее выверенными движениями, зная о неподатливости угля и стремлении древесной растопки завершить весь процесс одним только дымом в том случае, если она отступит от должной процедуры. Сноровка как всегда помогла избежать этого, и миссис Драбдамп встала на колени у очага, подобно жрице парсов, должным образом воздающей утреннюю молитву своему божеству. Затем она резко поднялась, едва не потеряв равновесие. Ее взгляд упал на стрелки часов, стоявших на каминной полке: они показывали без пятнадцати семь. Свою каждодневную церемонию у очага миссис Драбдамп неизменно заканчивала в пятнадцать минут седьмого. Но что случилось с часами?

Миссис Драбдамп вдруг вспомнила, как Сноплет, часовщик, живущий по соседству, придержал часы у себя несколько недель, но вернул их, проделав только поверхностный ремонт и, видимо, при этом поврежденные и неспособные выполнять свои непосредственные функ-

ции. Это дурное воспоминание ушло так же быстро, как и появилось, вытесненное низким звоном колоколов церкви св. Данстэна пробили три четверти. Ее охватил неподдельный ужас. Инстинкт подвел ее: миссис Драбдамп впервые поднялась в половину седьмого, а не в шесть. Теперь она поняла, почему она так странно, потерянно себя чувствует. Она проспала.

Огорченная и озадаченная, она поспешно поставила чайник на огонь, секундой позже обнаруживая, что она проспала от того, что мистер Констант просил разбудить его на три четверти часа раньше обычного и подать завтрак к семи часам, так как утром он должен был выступить на митинге протестующих трамвайщиков. Миссис Драбдамп, со свечой в руке, тут же бросилась наверх, в его спальню. Мистер Артур Констант занимал весь верхний этаж – помимо его спальни там находилась еще одна отдельная комната. Миссис Драбдамп резко постучала в дверь той, где он обыкновенно спал, с криком: «Семь часов, сэр. Вы опаздываете, сэр. Вам нужно немедленно встать». Обычного сонного ответа «Хорошо» не последовало, но так как она сама отступила от своего обыкновенного утреннего приветствия, то особенно не ждала такого отклика. Поэтому она поспешила вниз, не будучи уверенной, что чайник закипит быстрее, чем ее жилец успеет одеться.

Она знала, что нет никаких причин опасаться, что мистер Артур Констант остался глух к призыву исполнить свой долг. Он спал чутко, и звон трамвайщиков наверняка уже звучал у него в ушах, призывая отправиться на митинг. Миссис Драбдамп никак не могла до конца понять, почему Артур Констант – бакалавр искусств, белый воротничок, честный джентльмен с туго набитым кошельком – так интересуется делами трамвайщиков, тогда как может позволить себе как минимум пользоваться услугами кэбменов. Вероятно, он стремился попасть в парламент как представитель Боу, но в таком случае определенно благоразумнее было бы снимать комнаты у домохозяйки с правом голоса и живым мужем. Также не было здравого смысла и в его желании начищать свои собственные ботинки (занятие, которым ему удалось достичь некоторых успехов) и вести образ жизни обычного представителя рабочего класса в Боу. Местный рабочий класс далеко не так щедро расходовал воду, не важно, на что она шла – на питье, утренние ванны или стирку. Не употребляли они в пищу и деликатесов, которыми миссис Драбдамп постоянно снабжала своего жильца, уверяя его, что это пища простых людей. Она не могла допустить и мысли о том, чтобы он ел что-нибудь не подобающее его общественному положению. Артур Констант послушно съедал все, чем его потчевала хозяйка, впрочем, он не был не первым, кто закрывал на собственные принципы глаза, при этом кичась тем, что держит их широко открытыми. Однако святым трудно увидеть свой собственный нимб, к тому же на практике это сияние часто не отличить от туманной дымки. Сварливый чайник закипал. Заваривавшийся в нем для Артура Константа чай, не был той грубой смесью черного и зеленого чая, завариваемого миссис Драбдамп для себя и мистера Мортлейка, о котором она сейчас вспомнила, думая о завтраке. Бедный мистер Мортлейк, он отправился в Девонпорт около четырех часов, в пронизанную туманом темноту зимнего утра! Признаться, она надеялась, что он будет достойно вознагражден за эту поездку и получит хорошие чаевые. Она не завидовала его доходам, это было не ее дело, тем более что его идея предоставить освобожденные комнаты мистеру Константу принесла хозяйке не один только доход. Он предложил ей необычный дружеский обмен, странный в силу того, что в таком качестве был представлен жилец. Его собственная деятельность среди рабочего класса не приводила миссис Драбдамп в растерянность. Том Мортлейк был наборщиком; в то время как было очевидно, что деятельность предводителя рабочих оплачивается лучше и при этом обеспечивает более высокий социальный статус. Том Мортлейк, герой сотни забастовок, намного превосходил Тома Мортлейка, набирающего текст из имен других людей. Впрочем, эта работа была не таким уж праздным делом, и миссис Драбдамп чувствовала, что она не так уж и завидна. Она постучала в его дверь по пути на кухню, но не получила никакого ответа. Дверь на улицу была всего в нескольких шагах дальше по коридору, и одного взгляда на нее было достаточно, чтобы

развеять последние надежды на то, что Том отказался от путешествия. Засов и цепи были сняты с двери, и она была заперта только на ключ. Миссис Драбдамп испытала неприятное чувство, впрочем, надо отдать ей должное – она никогда не испытывала в высшей степени свойственного для домохозяек страха перед грабителями, которые так никогда и не появлялись у них в доме. Через улицу, не прямо напротив, но совсем неподалеку, жил знаменитый экс-детектив Гродман; и хотя это было лишено логики, его проживание по соседству придавало миссис Драбдамп некоторое чувство защищенности, подобное тому чувству, которое испытывает верующий, живущий под сенью храма. Ей казалось маловероятным, что какой-нибудь злоумышленник сознательно будет оставлять след буквально под носом у известной ищейки. Правда, Гродман удалился от дел и теперь скорее напоминал спящего пса, но все же по ее мнению грабители должны были догадаться о том, что не стоит его будить.

По этой причине миссис Драбдамп действительно не чувствовала особенной опасности, тем более что еще один взгляд, брошенный на дверь, позволил ей понять, что Мортлейк догадался подsunуть петлю, удерживавшую большой замок. Она позволила себе лишний раз почувствовать прилив симпатии к лидеру рабочих, находящемуся на мрачном пути к Девенпортской верфи. Не то чтобы он рассказывал ей что-нибудь о своем путешествии за город; но она знала, что в Девенпорте была верфь – Джесси Даймонд, невеста Тома, однажды упомянула о своей тете, живущей неподалеку, и было ясно, что Том ушел помогать местным рабочим в доке, которые подражали своим лондонским собратьям. Миссис Драбдамп не нужны были объяснения, чтобы что-либо понять. Итак, она вернулась на кухню готовить первосортный чай для мистера Константа, мимоходом размышляя о том, отчего люди в нынешнее время так недовольны. Однако когда она поднялась наверх с чаем, тостами и яичницей в гостиную мистера Константа (она примыкала к спальне, но никак не сообщалась с ней), она не застала мистера Константа сидящим там. Она зажгла газ и накрыла стол, затем вернулась на лестничную площадку и вновь настойчиво постучала в дверь спальни. Она позвала его по имени и назвала время, но не услышала в ответ ничего, кроме своего собственного голоса, и тот в лестничном полумраке показался ей странным. Тогда она пробормотала: «Бедный джентльмен, у него вчера вечером болели зубы. Быть может, он всю ночь глаз не сомкнул и заснул только теперь. Жаль беспокоить его ради каких-то ворчливых кондукторов, я дам ему поспать до того времени, когда он обычно встает». Приняв такое решение, она отнесла заварочный чайник вниз, с грустью осознавая, что его любимые яйца всмятку успеют остыть.

Пробило половину восьмого, и она постучала вновь. Однако Константин по-прежнему спал.

Его почта, письма от странных отправителей, пришли в восемь, а спустя некоторое время пришла еще и телеграмма. Миссис Драбдамп еще раз громко постучала в дверь, даже крикнула, но ничего не добившись, в конце концов, сунула телеграмму под дверь. Теперь ее сердце уже сильно билось, хотя ей казалось, что его обвила какая-то холодная, липкая змея. Она снова спустилась вниз, сама не зная зачем, повернула ручку и вошла в комнату Мортлейка. Смятое одеяло на кровати говорило о том, что ее обитатель лишь прилег, будучи одетым, вероятно, боясь опоздать на утренний поезд. Конечно, она ни на минуту не надеялась застать его в комнате; но теперь на нее действительно обрушилось осознание того, что она одна в доме со спящим Константином, и липкая змея еще сильнее обвилась вокруг ее сердца.

Она открыла дверь на улицу и нервно осмотрелась по сторонам. Была половина восьмого. Маленькая улица все еще находилась во власти холодного и серого тумана, сквозь который на обоих ее концах подмигивали огоньки уличных фонарей. В это время не было видно ни души, хотя из многих труб подымался дым, приветствуя своего брата-тумана. Через дорогу, в доме детектива, жалюзи все еще были опущены, ставни закрыты. Тем не менее, прозаичный вид знакомой улицы успокоил ее. Вдохнув холодный уличный воздух, она закашлялась; она захлопнула дверь и вернулась на кухню, чтобы заварить свежий чай для Константа, который, быть может, просто крепко спит. И все-таки жестянка с чаем дрожала в ее руках. Через мгно-

вание она не знала, выронила ли она ее или сознательно бросила, но как бы то ни было, в следующую минуту ее руки были уже пусты и снова колотили в дверь спальни. Оттуда не доносилось ни звука, ни шороха. Она обрушила на дверь град ударов, это был приступ отчаяния, в котором она позабыла, что ее целью было лишь разбудить спящего жильца, но не помня этого, она с силой колотила по двери руками и ногами. Затем она повернула ручку и попыталась открыть дверь, но та была заперта. Запертая дверь заставила мисс Драбдамп прийти в себя, и она пришла в ужас от мысли о том, что она собиралась войти в спальню Константа. Потом же ужас охватил ее с новой силой. Она почувствовала, что в одиночку находится в доме с трупом. Она опустилась на пол и съезжилась, с трудом подавляя желание закричать. Затем она резко встала и бросилась вниз по лестнице, выскочила за дверь, выбежала на улицу, перебежала дорогу и яростно застучала дверным молотком в дверь Гродмана. В тот же момент окно на первом этаже открылось – этот небольшой дом был такой же планировки, как и ее собственный. С полного, мясистого лица Гродмана, увенчанного ночным колпаком, в нее сквозь туман вперился недовольный со сна взгляд. Но несмотря на угрюмый вид, лицо экс-детектива обрадовало ее подобно тому, как солнце может обрадовать человека, вышедшего из дома с привидениями.

– Какого черта вам надо? – ворчливо поинтересовался сыщик. Гродман не был ранней пташкой, и теперь у него не было надобности рано вставать. Теперь он мог себе позволить презирать пословицы, так как дом, в котором он жил, принадлежал ему, так же как ему принадлежали еще несколько домов на улице. Проживая в Боу, хорошо быть владельцем собственного дома, хоть жильцы и норовят уехать ночью, ничего не заплатив. Возможно, для него что-то значило и его желание пожинать плоды своей известности среди друзей и близких знакомых, ведь он родился и вырос в Боу, и здесь же началась его карьера в местном отделении полиции, когда в свое свободное время он зарабатывал несколько шиллингов в неделю начиная с самых низов.

Гродман был холостяком. В небесном брачном бюро, возможно, и подобрали пару для него, но он так и не смог ее отыскать. Это была одна из его неудач как детектива. Человеком он был самодостаточным и предпочел бы сам стоять за плитой, нежели нанимать для этого женщину; тем не менее, из уважения к мнению жителей Гловер-стрит он все-таки нанял приходящую прислугу для работы в доме с десяти утра до десяти вечера. Равно из уважения к тому же общественному мнению, на промежуток времени между десятью вечера и десятью утра она покидала его дом.

– Вы мне нужны, немедленно, – еле выдавила из себя миссис Драбдамп. – Что-то случилось с мистером Константином.

– Что! Надеюсь, его не поколотила полиция на утреннем митинге?

– Нет, нет. Он туда не пошел. Он умер.

– Умер? – переспросил Гродман, окончательно проснувшись.

– Да. Убит!

– Что? – чуть ли не выкрикнул экс-детектив. – Как? Когда? Где? Кем?

– Я не знаю. Я не смогла достучаться до него. Я стучала в дверь, а он не отвечает.

На лице Гродмана можно было прочесть облегчение.

– Глупая вы женщина! И это все? И моя голова из-за этого должна мерзнуть? В такую противную погоду? Да он просто устал как собака после вчерашнего – процессии, три речи, детский сад, лекция «на луне», статья о сотрудничестве... это его образ жизни.

Стиль Гродмана заключался в том, что он никогда не сыпал словами понапрасну.

– Нет, – серьезно выдохнула в ответ миссис Драбдамп, – он мертв.

– Хорошо, идите обратно. Не стоит поднимать всех соседей. Подождите меня. Буду через пять минут.

Гродман не воспринимал всерьез эту домохозяйку, прорицательницу всяческих бед, вероятно, оттого, что он ее знал. Его маленькие глаза-бусинки отразили почти веселую улыбку, когда он со стуком опустил оконную раму и исчез из поля зрения миссис Драбдамп. Бедная женщина побежала обратно через дорогу и вошла в свой дом, не заперев за собой двери. Не запирайтесь же в доме с мертвецом! Она ждала в коридоре. Наконец, спустя целую вечность – через семь минут, если верить часам – появился Гродман, полностью одетый, но с растрепанными волосами и перекошенными бакенбардами. Он еще не привык к бакенбардам, так как только недавно стал подумывать о том, что их можно отрастить. Во времена службы в полиции Гродман был чисто выбрит, как и все его коллеги – ведь, вне всяких сомнений, детектив должен быть готов сыграть любую роль. Миссис Драбдамп тихо закрыла входную дверь и указала на лестницу; ее страх подняться туда первой выглядел как вежливое желание пропустить Гродмана вперед. Сыщик поднялся наверх, все еще с веселым блеском в глазах. Оказавшись на лестничной клетке, он бесцеремонно постучал в дверь и крикнул: «Девять часов, мистер Констант, девять часов!». Он замер, но в ответ не прозвучало ни звука. Его лицо стало более серьезным. Он подождал, постучал еще раз и снова крикнул, на этот раз громче. Он повернул ручку, но дверь была заперта. Он попробовал заглянуть в замочную скважину, но в ней был ключ и он ничего не увидел. Он надавил на верхнюю филенку, но дверь была заперта на задвижку так же надежно, как и на замок. Он остановился, его лицо замерло в недоумении, так как он испытывал симпатию и уважение к Константу.

– Ах, стучите так громко, как только можете, – прошептала побледневшая женщина. – Но вы его уже не разбудите.

Серый туман, проникший через входную дверь, добрался до лестницы, принес с собой влажный, могильный запах.

– Заперта на замок и задвижку, – пробормотал Гродман, вновь стукнув дверь.

– Взломайте ее, – выдохнула женщина, дрожа всем телом и держа руки перед собой, как бы отгоняя ужасные мысли. Ни говоря ни слова, Гродман приложился плечом к двери и изо всех сил напряг мышцы. В свое время он был атлетом, да и сейчас порох все еще был в пороховницах. Дверь скрипнула, понемногу проседая под напором, деревянная часть вокруг замка раскололась, а верхняя панель согнулась, болт, на котором держалась железная задвижка, поддался, и та отломилась. Дверь с грохотом упала на пол. Гродман бросился внутрь.

– Господи! – воскликнул он. Женщина закричала. Открывшееся зрелище было невыносимо ужасным.

Через несколько часов воодушевленные мальчишки-газетчики выкрикивали: «Ужасное самоубийство в Боу!», а «Стар», стремясь удовлетворить любопытство тех, у кого не было денег на покупку газеты, выпустила еще и афишу, гласящую: «Филантроп перерезал себе горло».

Глава II

Однако сообщения, появившиеся в газетах, оказались преждевременными. Вопреки ожиданиям прессы Скотленд-Ярд отказался вынести решение по делу без предварительного разбирательства. Было произведено несколько арестов, поэтому последующие газетные выпуски смягчили предыдущий вердикт «самоубийство» до «тайны». Арестованные были людьми из низших слоев, бродягами. Большинство из них совершили те или иные преступления, за которые, однако, ранее не были арестованы. Один умалишенный джентльмен сам сделал признание (как если бы это он заварил кашу), но полиция вместо того, чтобы задержать его, предпочла вернуть его в общество друзей и санитаров. Количество желающих попасть в Ньюгейт было просто поразительным.¹

Явное свидетельство трагедии несвоевременно оборвавшейся жизни благородного молодого человека еще не было полностью осознано читателями, когда новая сенсация привлекла всеобщее внимание: Том Мортлейк был арестован в тот же день в Ливерпуле. Он был задержан по подозрению в причастности к смерти его соседа-постояльца. Новость обрушилась на всех, как раскат грома посреди ясного дня, ведь имя Тома Мортлейка уже стало нарицательным. Казалось маловероятным, что талантливый оратор из рабочего класса, никогда не упускавший возможности продвигать коммунистические идеи в обществе, мог пролить чью-либо кровь. И тем более маловероятным с учетом того, что пролитая кровь вовсе не была кровью аристократа, но принадлежала молодому идеалисту из среднего класса, который – в буквальном смысле этого слова – отдал Делу свою жизнь. Но и эти сенсационные новости вскоре были опровергнуты, и все (за исключением некоторых профсоюзных лидеров) вздохнули с облегчением, узнав, что Мортлейка почти сразу же освободили, вручив повестку с вызовом на свидетельское дознание. В тот же день Том Мортлейк дал интервью Ливерпульской газете, заявив, что его арест был вызван исключительно враждебным отношением и даже тайной ненавистью по отношению к нему со стороны полицейских всей страны. Он прибыл в Ливерпуль для того, чтобы проследить за перемещениями некоего друга, за которого беспокоился; по этой причине он наводил в доках справки о пароходах, отправляющихся в Америку. Там-то в соответствии с инструкциями из главного полицейского штаба Том и был задержан, как подозрительная личность.

– Но они наверняка были осведомлены насчет того, как выглядит моя физиономия, – сказал журналистам Мортлейк, – ведь у них есть множество донесений, где я подробно, хоть и карикатурно описан. Когда я сказал им, кто я, у них хватило порядочности меня отпустить. Они решили, что смогли доставить мне неприятности, и этого с меня достаточно. Конечно, подозрительным кажется совпадение, что я жил с умершим в одном доме и мог быть как-то замешан в смерти этого бедняги. Такая мысль приходила мне в голову, как и всем остальным. Но если бы полицейские знали, что я только что прибыл с места преступления и что я фактически жил в том самом доме, вероятно, они так легко меня бы не отпустили, – Мортлейк саркастически засмеялся. – Очень уж бестолково работают эти полицейские, их девиз: «Сперва поймай человека, потом состряпай доказательства». Если вы оказались в конкретном месте, то вы виновны уже только потому, что были там; если же вы были в другом месте, то вы все равно виновны, потому что сбежали. Знаю я их! Если бы они могли, они бы уже посадили меня в тюрьму. Но к счастью, я знаю номер кэбмена, который отвез меня в Юстон сегодня рано утром, в пятом часу.

– Если бы они посадили вас в тюрьму, заключенные объявили бы недельную забастовку, – шутливо заметил интервьюер.

¹ Ньюгейт – тюрьма в Лондоне.

– Да, но ведь всегда нашелся бы кто-то, кто занял бы их место, так что, боюсь, это ни к чему бы ни привело. Извините, сейчас не время для шуток. Я очень расстроен тем, как сложилась судьба моего друга. Боюсь, он уже покинул Англию, мне нужно навести о нем справки. Ну конечно же, бедняга Констант, он нас покинул, это так ужасно! А мне нужно быть в Лондоне на дознании, так что я должен торопиться. До свидания. И обязательно расскажите вашим читателям – меня арестовали из-за того, что у полиции на меня зуб.

– Последний вопрос, мистер Мортлейк, если позволите. Правда ли, что сегодня между часом и двумя пополудни вы должны были руководить большим митингом клерков, устраиваемым в Сент-Джеймс холле в знак протеста против германского вторжения?

– Да, было дело. Но эти плуты арестовали меня как раз тогда, когда я собирался телеграфировать об отмене. А потом я узнал о кончине бедняги Константа, и это просто вылетело у меня из головы. Вот досада! Бог мой, беда никогда не приходит одна! Ну, до свидания, и пришлите мне копию газеты.

Показания Тома Мортлейка на дознании не дали публике никаких новых о его перемещениях в то таинственное утро. Кэбмен, отвезший его в Юстон, написал письмо в газету, сообщив, что взял плату за проезд к железнодорожной станции Боу около половины пятого утра, а значит, арест Мортлейка является явным оскорблением, учитывая демократическую форму правления. Он выказал готовность дать письменные показания под присягой, чтобы доказать всем, какими сомнительными методами работает полиция. Однако Скотленд-Ярд не пожелал получать от кэбмена каких-либо письменных показаний, и водителю кэба номер 2138 пришлось снова скрыться во мраке неизвестности своего класса. Мортлейк, чье лицо под черной гривой зачесанных назад волос казалось мертвенно-бледным, давал показания низким, сочувствующим тоном. Он знал покойного больше года – они постоянно пересекались в общественно-политической работе, и по его собственной просьбе Том нашел для него эти меблированные комнаты в доме на Гловер-стрит. Это произошло после того, как Констант решил оставить свое предыдущее жилище в Оксфорд-Хаусе в Бетнал Грин и пожить жизнью простого человека. Расположение дома было для него весьма удобным, так как он находился недалеко от Народного дворца²

² "Народный дворец», он же Александр-палас – культурно-развлекательный центр викторианской эпохи, включал в себя музейные экспозиции, лекционный зал, библиотеку, бассейн, ипподром, домики в японском стиле, пруд для лодочных прогулок и поле для игры в гольф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.